

ранию по упорядочению русского языка: для него эти труды были делом национальной важности, хотя делом весьма нелегким. Он говорил: «Однако сие коль ни полезно есть российскому народу, то есть возможное дополнение языка, чистота, красота, и желаемое потом его совершенство, но мне толь трудно быть кажется, что не не страшит уповаю и вас, мои господа, трудностию и тягостию своею». Тем не менее он призывал своих товарищей выполнить это национальное дело. «Правда, что сия трудность есть превелика; однако она не из таковых, чтоб не возмогла быть преодолена. . . Но хотя нас и трудности устрашают, однако начнем, а начав, из того нечто быть имеет по крайней мере поощрение другим к такому делу; не начиная же ничего, ничего и не будет». «Труд, мой господа, труд прилежный, все побеждает».

Такова задача, поставленная перед русскими писателями: упорным трудом способствовать быстрому укреплению русского языка и русской литературы. Разрешить эту задачу возможно, только опираясь на национальные основы русской речевой культуры. Именно так поставил вопрос Третьяковский в свои зрелые годы. В начале же своей деятельности он не осознавал в отчетливой форме национально-самобытный характер решения задачи, постигнутой им в общем виде еще в 1735 г.

Однако уже в 1730-е годы стремление к «защите и прославлению» русского языка и русской поэзии вступило в сознании Третьяковского в противоречие с космополитизмом его парижской позиции. Впоследствии это стремление победило. Третьяковский отказался от увлечений своей молодости, освободился от преобладающего влияния «стиля Регентства» и обратился к идее поисков национального варианта общеевропейской литературной культуры. Источниками при обосновании этого варианта для него были церковнославянский язык, который он не отделял от русского и считал древним и благородно-возвышенным аспектом русского языка, старинная русская поэзия (силлабическая), наконец русский фольклор, хотя к нему он относился еще весьма осторожно и привлекать его к делу решался лишь со всяческими оговорками. Нет сомнения в том, что более зрелый Третьяковский, отстаивавший «славянщизну», защищавший русских силлабистов, на первый взгляд более архаический, стоял на позициях и более глубоких, и более передовых, чем молодой Третьяковский с его легкомысленным отношением к «славянщизне» и ссылками на великосветскую болтовню в качестве нормы простоты речи. Недаром против попыток раннего Третьяковского направлено утверждение прав «славянщизны» в теории и практике Ломоносова. Поиски Третьяковского 1750-х годов соотносятся уже с общеевропейским движением поисков национальных основ литературной культуры, с началом «реабилитации» доклассических явлений своей культуры. Иное дело, что поздний Третьяковский, как это случалось с ним постоянно и в разных вопросах, не проявил чувства исторической